

Н. П. Жилина

**СВОБОДА КАК АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
В МИСТЕРИИ ДЖ. Г. БАЙРОНА «КАИН»**

Рассматривается произведение Байрона, основой которого стал широко известный библейский сюжет, кардинально переработанный и видоизмененный поэтом. Анализ одной из ключевых категорий романтизма, центральной в творчестве Байрона, дает возможность показать, что художественный конфликт драмы, реализованный в образах сыновей Адама, имеет в своей основе антитезу истинной и ложной свободы, а всем художественным строем мистерии автор приводит читателя к выводу о невозможности для человека оставаться «по ту сторону добра и зла».

This article considers Byron's work based on the well-known Biblical story, which was radically transformed by the poet. An analysis of one of the key categories of Romanticism – central to Byron's oeuvre – helps show that the

fictional conflict of the drama manifested in the images of Adam's sons is based on the antithesis between the true and false freedom, whereas the general literary structure of the mystery is used to direct the reader to the conclusion that it is impossible for a human being to stay beyond good and evil.

Ключевые слова: Байрон, Каин, свобода, рабство, грех, добро, зло, Бог, дьявол.

Key words: Byron, Cain, freedom, slavery, sin, good, evil, God, devil.

Философская драма «Каин» (1821), жанрово определенная самим автором как мистерия, подводит своеобразный итог «относительной эволюции байроновского героя» [6, с. 106], характерные черты которого проявились как в субъекте его лирики, так и в персонажах поэм и трагедий. Положенный в основу произведения широко известный библейский сюжет кардинально перерабатывается и видоизменяется. Прежде всего производится небольшой, но очень значимый временной сдвиг: главный герой — старший сын Адама и Евы — в начале событий предстает уже женатым человеком, отцом двух детей; появляется персонаж, который согласно каноническому источнику не имеет непосредственного отношения к этой ситуации, — Люцифер; и, наконец, самое главное, — изменяется мотив братоубийства и его психологические причины. Замышленная заранее по библейскому изложению расправа Каина с братом (чей дар был принят Богом в противоположность его собственному) превращается у Байрона в нечаянный выпад, удар, нанесенный в состоянии аффекта человеком, страдающим от несправедливости мироустройства и находящимся в постоянном поиске смысла жизни. В такой интерпретации библейский персонаж продолжает ряд прежних героев Байрона с их романтическим мировосприятием и жаждой свободы как главной ценности жизни.

Знакомство читателя с действующими лицами драмы происходит в момент семейной молитвы: все члены Адамова рода в определенном порядке — дети вслед за родителями — рано утром, на восходе солнца, воздают хвалу Богу. Действие совершается, как указано автором, в местности «близ рая» [1, с. 385]. Согласно тексту Священного Писания Адам и Ева были единственными людьми, которые имели возможность прямого и непосредственного контакта с Богом, сотворившим их «по Своему образу и подобию» (Быт. 1: 26–27) и остававшимся для них и после грехопадения хотя и строгим, но любящим Небесным Отцом. Между тем их молитвы, содержащие перечисление всего того, что было совершено Создателем, и прославление Его величия, исполнены смирения и покорности, но лишены искренней любви и благодарности. Слово Авеля, являясь продолжением родительских речей, имеет очень важные отличия: в его благоговейной молитве впервые упоминается о любви. Вслед за младшим сыном хвалу Богу воздают дочери Ада и Селла, и на этом общем фоне еще заметнее молчание Каина, который не скрывает своей иронии к громким хвалебным словам своих родных.

Отказ принимать участие в общем славословии Творца старший сын Адама объясняет прямо и просто: «Мне не о чем молиться» [1, с. 387]. Так, с первой же сцены намечается художественный конфликт произведения: противостояние Каина всем остальным (пока немногочисленным) населяющим землю людям. Это внешнее, открытое столкновение имеет скрытую внутреннюю основу: жизненная позиция каждого из членов Адамовой семьи определяется отношением к мирозданию и его Творцу, а в более частном виде — к такому переломному событию человеческой истории, как грехопадение.

Проблема свободы занимает каждого из байроновских персонажей, но взгляды на нее кардинально различны. Очевидно, что никто в семье, кроме Каина, не склонен задумываться над сутью произошедших когда-то событий, все объясняют их для себя «волей Бога». Таким образом, вопрос о подчинении чужой — пусть даже и божественной — воле с самого начала произведения становится центральным, реализуясь в сознании главного героя в оппозиции *свобода / рабская покорность*. Не желая, как это делают другие члены семейства, принимать непонятное ему наказание за нарушение божественного запрета, совершенное когда-то его родителями, Каин пытается, опираясь на собственный разум, найти ответы на мучающие его вопросы. Главное противоречие для него заключается в том, что знание есть безусловное благо, а Творец хотел лишить его Своим запретом. Грех родителей представляется Каину лишь нелепой ошибкой: по его мнению, им следовало бы прежде вкусить плод от древа жизни — тогда исчезла бы угроза смерти и зависимость от Бога. Воспринимая райский сад как свое «законное наследье» [1, с. 389], старший сын Адама не может смириться с его потерей и необходимостью вести жизнь в трудах и заботах, пребывая в ожидании смерти за прегрешение отца. Утрата полного бессмертия представляется Каину страшной и неоправданной карой за незначительный проступок. Необходимо отметить, что страдания и бунт Каина вызваны не столько его собственным несчастьем, сколько несправедливым, по его мнению, устройством мира, тяжкой участью будущего человечества.

После утренней молитвы и столкновения с семьей Каин, находясь в сильном душевном волнении, уходит от родных, стремясь к уединению, и снова и снова повторяет вопросы, которые не дают ему покоя. В этот момент и происходит встреча героя с Люцифером. М. М. Бахтин указывал, что мотив встречи еще с древности играл важнейшую роль в сюжетах «не только романов разных эпох и разных типов, но и литературных произведений других жанров» [2, с. 247]. Как известно, именно *встреча* нередко является тем центральным событием, вокруг которого организуется весь сюжет. Внезапно возникший дух, похожий на архангела, но необыкновенно мрачный и скорбный, вызывает в душе человека неизъяснимый трепет и в то же время привлекает чем-то непонятным. «Кто ты, о дух?» — обращается к нему Каин. И слышит в ответ: «Я повелитель духов» [1, с. 390]. С появлением этого действующего лица Каин обретает наконец внимательного собеседника, расположенного к

диалогу, способного и готового объяснить явления, столь непонятные и мучительные для героя. Сказав, что знает мысли смертных, Люцифер вскоре подтверждает это: повернув разговор к главному для первых людей вопросу (о причинах произрастания древа познания добра и зла в райском саду), он решительно утверждает, что Создатель «Растил плоды запретные к соблазну / Существ, душой невинных, любопытных / В своей святой невинности» [1, с. 394]. Таким образом, повелитель духов предстает как покровитель и защитник людей, полностью снимающий с них вину за первородный грех, которая, по его мнению, должна быть целиком отнесена только к Богу.

Стоит напомнить, что в религиозном сознании Люцифер — одно из имен дьявола (греч. «клеветник, оболститель»), которым стал «ангел, первым воспротивившийся Богу и соблаздивший других ангелов, ставших демонами, или злыми духами» [5, с. 314]. Имя Люцифер (лат. «светоносец») дано ему как одно из обозначений «горделивого и бесильного подражателя тому свету, который составляет мистическую “славу” божества» [3, с. 84]. Байроновский Люцифер вполне отвечает определению, которое дается ему в Евангелии — «отец лжи» (Ин. 8: 44). С первого же мгновения, во всем противопоставляя себя Творцу, он стремится привлечь Каина на свою сторону, заявляя о своем «сострадании смертным»: «Я б создал / Богами вас, а Он лишил вас рая...» [1, с. 394]. Однако повелитель духов в то же время не в состоянии скрыть своего подлинного презрения к людям, оно прорывается помимо его воли: узнав, что Каин чувствует себя несчастным, Люцифер не может удержаться от восклицания: «О жалкий прах! Ты смеешь / Считать себя несчастным?» [1, с. 391] В дальнейшем это обозначение человека — «прах», «жалкий прах» — еще не раз будет использовано Люцифером в их беседе.

Отвергая обвинения в коварстве и соблазнении людей, повелитель духов говорит: «...ничем / Помимо правды я не соблазняю» [1, с. 394] — и утверждает свою «правду», всеми возможными средствами создавая собственный образ Бога — контрастный тому, который уже существует в сознании первых людей. Люцифер, стремясь вызвать недоверие к Создателю, рисует перед Каином свою, противоположную библейской, картину мироздания, где Творец предстает как «всесильный тиран» [1, с. 392], «разрушитель» [1, с. 397], развлекающийся уничтожением того, что было создано им ранее. Так в сознании Каина устанавливается образ мира как воплощения бессмыслицы и утверждается идея необходимости вступить в борьбу против Создателя. В интерпретации Люцифера лишь богоборцы — бунтари и мятежники — обладают настоящей свободой, смирение же — всегда удел существ подневольных с низким рабским сознанием.

Обличение тех, кто живет в покорности Творцу, сопровождается со стороны Люцифера утверждением себя как абсолютно свободного существа, неподвластного и самому Творцу. Повелитель духов призывает и Каина познать все и обрести истинную свободу — жить, не страшась

даже смерти. На просьбу человека «Наставь меня» он отвечает: «С условием... Пади и поклонись мне как владыке». «Ты разве Бог?» [1, с. 398 — 399] — удивляется Каин и с гордостью заявляет, что не поклоняется и самому Творцу: «Я никогда еще / Пред Божеством отца не преклонялся... / Зачем же мне склоняться пред тобой?» Люцифер удивлен: «Ты никогда пред Ним не преклонялся?» И с удовлетворением констатирует: «Но не поклонник Бога — мой поклонник» [1, с. 399]. Последняя фраза Люцифера, как видим, содержит императив об обязательной ориентированности каждого человека на одну из таких полярно противоположных сил, как свет и мрак, добро и зло, Бог и диавол, и о невозможности полной независимости от них. Именно этого не понимает Каин, стремящийся к абсолютной свободе и считающий ее главной ценностью в жизни. Гордость и самомнение байроновского героя настолько высоки, что он дерзает, не обращаясь к Божией помощи, вступить в своеобразное словесное единоборство с повелителем духов, нередко открыто выражая свое несогласие с его утверждениями и показывая, что тот вовсе не всесилен. Непочтительность Каина не остается незамеченной: несколько раз Люцифер допускает прямые насмешки по поводу его притязаний, но настоящая расплата наступит уже после их расставания.

Демонстрируя свое могущество, Люцифер по просьбе Каина поднимается с ним в небесное пространство, а затем опускается в преисподнюю. Это путешествие напомнило Каину о неосуществленном желании его родителей стать «как боги» и заставило окончательно почувствовать свою ничтожность. Вопросы, мучившие его прежде, только обострились, а враждебность к родным и Богу стала почти непреодолимой. Поддавшись на просьбы Авеля, он согласился совершить жертвенное всесожжение, но перед алтарем стоит, «не преклоняя колен» [1, с. 453], а его молитвенное слово больше походит на обличительную речь богоборца. Увидев, что вихрь опрокинул жертвенник Каина и далеко разбросал по земле плоды, коленопреклоненный Авель попросил брата быстрее готовить другую жертву, однако Каин, разгневанный и взбешенный, устремился к его алтарю с намерением уничтожить его. Пытаясь удержать брата, Авель встал на защиту священного предмета, но упал, пораженный головней в висок от руки Каина. Смерть Авеля становится для байроновского героя истинным потрясением, он долго не может поверить, что брат действительно ушел из жизни и виновником этой первой на земле смерти — он сам, а когда понимает, приходит в безнадежное отчаяние.

В ответ на обвинение ангела («Строптив ты был и жёсток с дня рождения...» [1, с. 464]) Каин пытается объяснить особенности своего характера высшими обстоятельствами, в какой-то мере перекладывая ответственность на судьбу: «Я был зачат в дни первых слез о рае, / Когда отец еще скорбел о нем, / А мать была еще под властью змия. / Я сын греха; я не стремился к жизни, / Не сам создал свой темный дух» [1, с. 464]. В то же время, определяя свой дух «темным», Каин соглашается с ангелом и признает существование противоположного — светлого —

духа, который был присущ Авелю. Гибель брата заставила Каина впервые увидеть нравственное превосходство Авеля, чистоту его души, особенно ярко проявившуюся в последние мгновения его жизни: поняв, что умирает, Абель подает руку брату и просит для него прощения у Бога: «О Боже сил! Прими мой дух смиренный / И отпусти убийце: он не ведал, / Что делает» [1, с. 456]. В отличие от библейского Каина байроновский герой искренне и глубоко раскаивается в страшном грехе, предлагая свою жизнь в обмен на жизнь брата, а когда понимает, что это невозможно, со смирением принимает назначенное ему тяжкое и суровое наказание. Финальный монолог героя заставляет думать, что его душа отныне и навсегда будет лишена покоя.

Таким образом, центральная в мистерии Байрона идея свободы воплощается в контексте христианской аксиологии, в которой это понятие является одним из центральных и включает несколько значений. Вот что пишет об этом известный современный богослов А. И. Осипов:

Понимание свободы имеет несколько смыслов... *Первый* — ...свобода воли, выражающаяся во внутреннем самоопределении личности перед лицом выбора прежде всего между добром и злом... Над этой свободой человека не властен никто: ни другой человек, ни общество, ни законы, ни какая угодно власть, ни демоны, ни ангелы, ни Сам Бог... *Второе* измерение свободы — свобода духовная. Она, в отличие от внешней свободы, означает власть человека над своим эгоизмом, своими страстями, греховными чувствами, желаниями — над самим собой... Христианство... в принципе отрицает возможность существования какой-то абсолютной свободы... в человеке» [4, с. 210–211]. (Курсив и подчеркивание автора. — Н. Ж.)

События философской драмы убедительно показывают, что, стремясь к достижению абсолютной свободы без каких-либо внешних ограничений, человек не в состоянии самостоятельно защитить себя от духовного плена страстей, оказывающих разрушительное воздействие на его душу и нередко приводящих к катастрофическим последствиям. Художественный конфликт произведения, реализованный в образах сыновей Адама, имеет в основе антитезу истинной и ложной свободы: принятие высшего нравственного закона, сделанное Авелем не из страха, а от искренней и глубокой любви к Богу, противопоставляется предельно гордому стремлению Каина судить деяния Творца и тем возвыситься над миром. Всем художественным строем мистерии автор приводит читателя к выводу о невозможности для человека оставаться «по ту сторону добра и зла» и о непреложности христианской истины: «Свобода там, где Дух Господень» (2 Кор. 3: 17).

Список литературы

1. Байрон Дж. Г. Каин (мистерия) // Байрон Дж. Г. Сочинения : в 3 т. М., 1974. Т. 2. С. 382–466.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.

3. *Мифы народов мира* : энциклопедия : в 2 т. М., 1991 – 1992. Т. 2.
4. *Осипов А.И.* Путь разума в поисках истины (основное богословие). М., 1999.
5. *Православие* : словарь-справочник. М., 2007.
6. *Урнов Д.М.* Романтизм: Блейк. «Озерная школа». Вальтер Скотт. Байрон. Шелли. Китс. Эссеисты и другие прозаики // История всемирной литературы : в 8 т. М., 1983 – 1994. Т. 6. С. 87 – 112.

Об авторе

Наталья Павловна Жилина – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: NZHilina@kantiana.ru

About the author

Prof. Natalya Zhilina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: NZHilina@kantiana.ru